

Фото: © Annemarie S. Nowak

ПЕТЕР ПАУЛЬ ВИПЛИНГЕР – писатель, поэт, художник-фотограф – родился в 1939 году в городе Хаслахна-Мюле в Верхней Австрии. С 1960-го живет в Вене. Изучал театроведение, германистику, философию. Сборники его стихов переведены на 20 языков, в том числе на русский.

Подробнее на сайте:

www.wiplinger.eu

▼ *Советские военнопленные прибывают в концлагерь Маутхаузен. Sammlung KZ Mauthausen*

Два рассказа

Мари заключенных

Они двигались через поселок усталой, плетущейся походкой, глаза опущены долу. Одеты все одинаково – в полосатые изношенные рубашки и штаны, у каждого на голове полосатая шапочка. По сторонам колонны бодрым шагом, с прямыми спинами маршировали мужчины в черной и коричневой униформе и в высоких сапогах. Они были вооружены, у некоторых к поясу были пристегнуты штыки. Жители деревни стояли вдоль улицы, провожая взглядами колонну усталых, жутких,

голодных существ, направлявшихся, как сказал чей-то голос, к вокзалу. Тот же женский голос тихо произнес слово *Маутхаузен*. При этом стоявшие рядом отвернулись, это было запретное слово. Много было запретных слов, их нельзя было произносить во избежание неприятностей или чего-то еще более серьезного.

Пленные не имели права разговаривать – друг с другом и с теми, кто стоял на обочине, на этих они не имели права даже смотреть. Вдруг я увидел руку, протянувшую что-то пленному, вероятно, кусок хлеба. Но человек в коричневой униформе остановил женщину окриком, грубо схватил за плечо, вытащил из толпы и стал орать на нее диким голосом. Запрещено давать пленным что бы то ни было! Потому что все они преступники, тяжелые преступники. Они должны радоваться, что вообще еще живы, их всех полагается уничтожить, кричал человек в коричневой униформе – его здесь все знали, он был из местных.

Мне стало страшно, меня пугали мужчины в коричневой униформе, но еще больше те, которые носили черную; эти говорили на другом языке, то есть они говорили как-то по-другому, не так, как разговаривают у нас в Мюльфиртеле. Эти мужчины были колючие, так про них говорили, и их произношение тоже было колючим. Они не умели нормально разговаривать. Их речь звучала так, словно они злы на кого-то и кому-то приказывают, а все другие обя-

▲ *Перевозка советских военнопленных немцами, 1941 год.*

www.bundesarchiv.de

заны им беспрекословно подчиняться. Они мне не нравились, эти мужчины, они были мне противны. Других, тех, что в полосатых костюмах и башмаках на деревянной подошве, мне было жалко. Им наверняка очень холодно, на них не было пальто, таких, какое было на мне. Весна только начиналась. При дыхании можно было видеть, как из рта вырывается парок.

Итак, мужчины в полосатых костюмах двигались к вокзалу. Вокзал был далеко, не меньше часа пути. Как эти несчастные туда доберутся, они едва держатся на ногах? На этот вопрос, как и на многие другие, ответа я не ждал. Самым лучшим и самым умным было вообще не задавать вопросов. Так говорили мне дома: *«И не разговаривай ни с кем на улице: ни с теми, кого знаешь, ни с теми, кого не знаешь. Нельзя никому доверять. Разговаривать можно только дома. А о таких вещах вообще нигде»*. И потом часто добавляли: *«То, о чем говорят другие, тебя не касается, ты просто не слушай!»* Мы должны были как можно меньше общаться с людьми, только тогда, когда это было действительно необходимо, и не проводить много времени вне дома. Отец сказал однажды: *«Они все следят за нами, точнее, за мной»*, и было ясно, кого он подразумевал под «они».

В обед, когда кончались занятия, перед тем как отправиться домой, все школьники были обязаны построиться по двое и четким шагом пройти от школы до Кирхенплац и дальше до угла,

где был наш дом. Учитель сопровождал колонну. На углу у Марктплац все оставались. Тогда учитель поднимал правую руку и кричал не своим голосом: *«Хайль Гитлер!»* Школьники были обязаны тоже поднять правую руку и тоже выкрикнуть «хайль», да так громко, как только им позволяли легкие. Только после этого разрешалось отправиться по домам на обед.

Этот крик «хайль Гитлер» до сих пор звучит у меня в ушах. Я ненавидел его уже тогда, как вообще ненавидел всякий крик и заказную бодрость, с какой тогда предписывалось разговаривать. Мне было милее бормотание молитвы в темной комнате, произносимой тихими голосами отца, матери и нашей кухарки Фанни, даже если я под нее и засыпал; вероятно оттого, что это бормотание успокаивало. И оттого, что Божья Матерь нас защищала, как уверяла Фанни.

А эта картина с военнопленными на площади меня пугала; я боялся, не зная толком, чего именно я боюсь. Это была давящая атмосфера, царящая вокруг. Тишину взрывали лишь командные выкрики мужчин в униформе. Я был зажат между взрослыми, но видел, что происходило на улице. Эта жуткая картина и сегодня стоит у меня перед глазами. Я вижу эту колонну усталых, истощенных мужчин, шагающих куда-то покорно и безжизненно. И я вижу других, в черной и коричневой униформе, которые то и дело что-то выкрикивают. И я вижу людей, стоящих

в молчании с поникшими головами вдоль улицы; и вижу других, которые хлопают в ладоши, а один из них плюет на человека в полосатом костюме. Это был фанатик-нацист из нашего городка. Таких было много в Третьем рейхе.

Портреты Гитлера

В конце войны стали исчезать портреты Гитлера. Сначала из частных домов, потом из официальных зданий. От них торопливо избавлялись, ни один портрет фюрера не должен был попасть на глаза завоевателям, и особенно русским. Портреты снимали со стен. На их месте оставались следы. Их быстро прикрывали старой иконой или распятием, найденными в подвале или на чердаке. Таким образом восстанавливался порядок; многие в это верили.

Портреты Гитлера находили свое последнее пристанище на городской свалке Дрейшпиц, где мусор пласт за пластом засыпали землей. Мы, мальчишки, играя здесь, обнаруживали их обгорелые останки, кто-то, выбрасывая, поджигал их. Другие избавлялись от портретов вместе с застекленными рамами.

«Надо, чтобы все как можно быстрее нормализовалось», – так говорили все. Месяцы спустя после войны никто уже не спрашивал себя, что же это было? Люди возвращались к своим профессиям. Несмотря на послевоенные трудности, жизнь продолжалась. По радио зачитывались имена погибших и пропавших без вести, а позднее и вернувшихся. Все нормализовалось. Вскоре даже масло появилось на хлебе. И советские солдаты играли в волейбол перед нашим домом. Они громко перекивались и смеялись как мальчишки. Они радовались жизни и тому, что все стало как прежде.

Петер Пауль Виплинггер
Перевод: Диана Видра, г. Вена